

Интересные
находки

МОЛОДОЙ ГОРЬКИЙ

Предлагаю новую публикацию из архива Ф. В. Смирнова. Уже рассказывалось о Федоре Васильевиче (см. «Северную правду» за 6 июня 1980 г.), о его встречах и переписке с В. Г. Короленко и А. М. Горьким.

Эти свои воспоминания о молодом Горьком Ф. В. Смирнов написал уже в советские годы и послал их в один из столичных журналов. Они были утеряны. Тогда Федор Васильевич по черновикам восстановил воспоминания, но в печать их больше не предлагал.

Для того чтобы опубликовать эти воспоминания, необходимо было разрешение родственников великого писателя. Я встретился с внучкой Алексея Максимовича Дарьей Максимовной Пешковой, актрисой театра им. Евг. Вахтангова. Она любезно приняла меня, выслушала и пообещала тут же прочесть и завизировать воспоминания Ф. В. Смирнова «Молодой Горький». Через день обещание было исполнено.

— Вы знаете, я их читала не одна, а с товарищами по театру. Очень живо написано и достоверно, — сказала Дарья Максимовна.

И тут же при мне на первой странице написала: «Воспоминания Ф. В. Смирнова о А. М. Горьком — читала Д. Пешкова. 22.09.1959 г.». Воспоминания Ф. В. Смирнова даются в сокращении.

В. БОЧАРНИКОВ.

В 1892 ГОДУ я приехал в Нижний Новгород, чтобы в нем поселиться. Мой знакомый А. А. Селецкий, писмоводитель одного из местных мировых судей, ранее меня поселившийся в Н. Новгороде, стал знакомить меня со своими знакомыми из нижегородских интеллигентов. Между прочим, он мне указал на писмоводителя местного присяжного поверенного А. И. Ланина — Алексея Максимовича Пешкова, как на интересного молодого человека, самородка, обладающего литературным талантом и многообещающего в будущем. Селецкий познакомился с Пешковым, когда тот приходил в канцелярию суда по делам Ланина и, смеясь, рассказывал разные эпизоды из судебной деятельности писмоводителя-писателя.

Я так заинтересовался Пешковым, что не стал дожидаться, пока Селецкий при случае познакомит меня с ним, и сам отправился к нему на его квартиру — он жил в том же доме, где занимал квартиру его патрон. Я увидел молодого человека высокого роста и привычного мне вида студента-радикала: длинные, зачесанные назад волосы, блуза, подпоясанная ремнем. Кажется, я ему помешал — был занят, когда я пришел. Однако он отложил работу в сторону, и мы разговаривали.

Не помню теперь в подробностях, о чем был этот мой первый разговор с Пешковым, помню только общее впечатление: разговор не соответствовал внешнему виду Пешкова. Мои знакомства уже несколько лет были замкнуты средой радикальной интеллигенции, в которой обычной темой разговоров была революция, положение народа и рабочих, преследования полиции и пр. Сам я в разговоре с Пешковым этим тем не касался по тому соображению, что он видит меня в первый раз, — кто знает, что я такое? Положим, я, придя к нему, сослался на Селецкого, но ведь я мог это и солгать. Я и заговорил с ним об его литературных опытах. Он показал мне вырезку из газеты «Кавказ», в которой были напечатаны его первый и в это время, кажется, еще единственный рас-

сказ «Макар Чудра». Я попросил дать мне этот рассказ на дом. Помню еще, что в эту же первую беседу мы говорили о ниществе...

Простившись с Пешковым, я пошел на набережную, нашел укромное место и стал читать рассказ внимательно, но не без скептического чувства. Однако рассказ сразу захватил меня. Впечатление было потрясающее. Мне казалось, что ничего подобного я никогда не читал. Особенно поразила меня изумительной красотой конец рассказа. Я вскочил со скамьи и побегал опять на квартиру к Пешкову, но дверь ее на этот раз уже была закрыта на замок.

Я вышел снова на набережную и медленно пошел по направлению к кремлю, все еще полный впечатлений от прочитанного. Думалось: «Если бы на тему «Макара Чудры» написать оперу, которая по силе была бы ровень с рассказом, — это было бы до сумасшествия красиво».

Несколько дней после этого я читал рассказ всем знакомым, которые у меня к этому времени завелись в городе, и доказывал всем, кто только меня слушал, что человек, с первого раза написавший такую вещь, не может не пойти далеко. Некоторые посмеивались надо мной, но в общем меня слушали довольно сочувственно.

Через несколько дней Селецкий мне передал просьбу Пешкова возвратить ему рассказ, по-видимому, он опасался, что я его зачитаю. Я принес его опять на квартиру Пешкова, и он выразил мне неудовольствие, что я испортил газетную вырезку. Действительно, газета по сгибам протерлась до дыр, так как я с нею таскался. При том же некоторым знакомым я оставлял рассказ для прочтения. По-видимому, Пешков этого ничего не знал и приписал порчу газеты простой моей небрежности. Я взял у него вырезку и сказал, что поправлю дело.

Я снес рассказ в редакцию нижегородской газеты «Волгарь» и попросил ее секретаря А. А. Дробыш-Дробышевского, с которым был уже знаком, перепечатать рассказ целиком и без перемен, объяснив ему, почему я в этом заинтересован.

— Вам убытку не будет. Рассказ так хорошо написан, что нечего в нем и менять.

Через несколько дней я принес Пешкову номер «Волгара» с перепечаткой. Он был удовлетворен. Кажется, этот случай был для него толчком к сотрудничеству в «Волгаре», — он потом напечатал в этой газете много рассказов.

Мое знакомство с Пешковым продолжалось. Я читал ему свои литературные опыты, и он о первом же сказал:

— Пятачок должен не только катиться, но и звенеть!

Замечание было, как говорится, в самую точку — я и сам это чувствовал.

И он читал мне свои новые рассказы. Например, рассказ «О чабане и фее», «Тоска» и другие. Я был очень рад, когда узнал, что мой отзыв о первом рассказе совпал с отзывом Короленко, жившим в то время в Нижнем. Он сказал, что в рассказе «есть страницы, от которых никто бы не отказался».

У молодого Пешкова «пятачок», видно, не только катился, но и звенел, иногда даже более звенел, чем катился. В каждом произведении я улавливал нечто особенное, чего я не встречал ни у какого другого автора.

Как-то Пешков пригласил меня пройти на набережную. Он надел ватное довольнотанки послужившее пальто и меховую шапку, и мы пошли.

Был конец весны, погода стояла прекрасная. Тротуар набережной был полон публики в весенних костюмах. Пешков двигался в толпе с чрезвычайно независимым видом, высоко держа свою голову в меховой шапке, кое с кем иногда раскланиваясь. Первая встреча была с прилично одетым, очень благообразного вида господином лет за 30 с интеллигентным лицом, который, отвечая на поклон Пешкова, обнаружил большую нехватку волос на голове.

— По всей видимости, препочтенный господин, — сказал я.

— Местный радикал! — отвечал Пешков и назвал мне довольно известную в городе фамилию.

— Отчего у него на лице не то недоумевающее, не то растерянное, не то просто глуповатое выражение? Отчего же он так лыс? — продолжал я.

— А это его ангелы на небо тащили за волосы и бросили, — отвечал Пешков, раскланиваясь вновь со встречными. — Разве вы с этим не знакомы? — спросил он меня.

— Еще не познакомился, — отвечал я. — Что вы его не позвали? Он любопытная личность.

— Ну, он способен всю прогулку испортить, он стоит плохой погоды.

* «О маленькой фее и молодом чабане». Примечание В. Б. «Радикалами называли себя остатки народничества» (Горький, т. 15).

Мы прошли в конец набережной, где народу не было, и сели на скамейку. Пешков снял с себя пальто и шапку и положил рядом.

— Не по сезону ваш костюм, — заметил я.

— Да, и жарко в нем, и по набережной в нем шел, точно под выстрелами, — признался Пешков.

— А я по вашему виду никак и не догадывался, что у вас такое настроение, — сказал я со смехом. — Вообще ваш внешний вид меня сбивает с толку... Вы вот смотрите студентом-демократом... Откуда это у вас? В университете вы не были — были, вероятно, близко знакомы со студентами?

Алексей Максимович рассказал мне, как он приехал в Казань поступать в университет и как он познакомился со студентами и был членом революционного кружка. На мои расспросы он отвечал, что занимался и революционными делами, а именно: по поручению кружка распространял подпольную литературу среди рабочих, к которым он был близок. Кружок был народнический, и под влиянием этого настроения Пешков предпринял свое первое хождение в народ. Он рассказывал, как его наградили в дороге литературой, программами и разными наставлениями и как он все это вытряхнул, выйдя за город. На мой вопрос, что же он делал в народе, он сказал: «Порабатывал. Косил вместе с мужиками и вообще присматривался к мужикам».

Из его рассказов я понял причину его разочарования в радикалах. Руководители революционного кружка стремились только к революции и все, что выходило из границ их прямой цели, они считали лишним и вредным. А Пешков хотел знать всю жизнь. Руководители его считали, по-видимому, что он сбивается куда-то в сторону, и пытались его дисциплинировать, а Пешков чувствовал это руководство как гнет над своей личностью. Некоторое время он подчинялся руководству интеллигентов с насилием над собой, но зато тем сильнее был взрыв его чувства независимости.

Очевидно было, разрыв с кружком дался ему нелегко. Было покушение на самоубийство, о причинах которого Пешков отзывался глухо и неопределенно и которое, как я подозревал, было связано с разрывом. Он только с горечью вспомнил, что никто из интеллигентов не навещал его, когда он лежал в больнице с простреленной грудью, был только один рабочий.

— Пришел, хлопнул меня с размаху ладонью и сказал: а-ах ты-ы... И мне стало легче на душе.

...В этот период Алексей Максимович встречался с Короленко. Носил к нему свои литературные опыты и я. Короленко в отличие от народников не потерял веры ни в революцию, ни в народ, но он был того мнения, что старый

порядок еще крепок и что его, как зуб, уже попорченный внутри, нужно еще пораспаты прежде, чем выдернуть. Силою своего литературного таланта Короленко свои малые дела превращал в большие. Местные нижегородские темы под его пером превращались во всероссийские, хотя бы тем, что по всей России служили практическим уроком, как относиться к местным делам. Короленко с головой окунулся в нижегородскую общественную деятельность, организуя для местной работы (особенно в голодный год) все пригодные силы.

Пешков и я с уважением относились к Короленко. Он помог Алексею Максимовичу выйти в большую литературу...

Когда у Алексея Максимовича произошел разрыв с первой женой художницей Ольгой Юльевой, с которой он жил, и она собралась уезжать, Горький пригласил меня поселиться в его квартире. Мне как раз нужно было в это время менять квартиру. Я занял комнату, среднюю между кабинетом Алексея Максимовича и залом, — в квартире было три комнаты. Здесь я переписывал набело для отсылки в редакцию рукопись рассказа «Мой спутник»... Я находил, что грузин Шахро похож на бывшего купца из теперешнего знакомства Пешкова: и тот и другой одинаково ограничены и непосредственны и одинаково оба насковозь пропитаны атмосферой той среды, в которой выросли и воспитывались...

С отъездом Ольги Юльевой Алексей Максимович завел кухарку. Это была женщина, описанная потом с подлинным верно в рассказе «Супруги Орловы». В рассказе она изображена разве только несколько ярче, чем была в действительности. Я понял эту женщину после нескольких слов с нею и ею не интересовался по ее заурядности. Однажды утром, когда я пришел в кухню умыться, я увидел на постели кухарки проснувшегося уже молодого мужчину с черными волосами, усам и бровями, с беспокойными глазами и такими же беспокойными мелкими выражениями лица. Это был муж кухарки, который во время поступления жены к Пешкову в кухарки служил поваром в ресторане на ярмарке, потом был за что-то расчитан и приютился в кухне у жены. Он мне не понравился с первого же взгляда; кроме беспокойства, я прочитал в его глазах еще мелкое самолюбие. Алексей Максимович, напротив, понял этого человека иначе и объяснял его в том смысле, в каком потом был в рассказе «Супруги Орловы» изображен Григорий Орлов. Перед этим нам случалось расходиться в оценке людей. Как-то раз я говорил ему об одном общем знакомом, что он в своем роде талант по части пролазничества, интриги и всяких пакостей и, что если бы этого человека пустить куда-нибудь, где бы он мог пошире

развернуться, он бы наделал много пакостей большого размера. Алексей Максимович возразил мне, что человек, о котором я говорю, слишком мелок для больших пакостей. Теперь, когда он описывал мне мужа своей кухарки как человека, недовольного всем существующим, потому что у него слишком большие требования к жизни, я возражал, что этот человек слишком мелок для общего недовольства жизнью. «Просто разнесчастный человек, пьяница». Сам несчастен и жену делает несчастной. И ни на что путное он ни при каких обстоятельствах не годен... Но все-таки у него виноваты другие», — так говорил я, выпячивая здравый смысл, так как считал, что Алексей Максимович увлекается.

Потом, когда через два-три года в печати, кажется в «Северном вестнике», появился рассказ «Супруги Орловы», я с первых же слов припомнил знакомые лица и читал рассказ с сомнением. Но чем дальше я читал, тем больше образ Григория Орлова заслонял в моем воображении воспоминание о том человеке, с которого он, как мне казалось, был списан. Под конец я с трудом припоминал, что было в действительности, но впечатление от рассказа было ярко.

«Пусть прототип Григория Орлова, — думал я, — не таков на самом деле, пусть автор придал Орлову своих качеств, но все-таки созданный воображением автора Григорий Орлов живет, и живет весь мир, созданный воображением автора».

Я сравнивал рассказ М. Горького с другим произведением творческой фантазии — рассказом Короленко «Марусина, замка», очень сходным по теме с «Супругами Орловыми». И тут и там герой рассказа, по мысли авторов, — незаурядный мужчина страстного темперамента, скучающий от прозы обыденной жизни и ищущий подвига, и тут и там героиня рассказа — заурядная женщина с большим характером. Но у Короленко характер его героя выдержан, а Григорий Орлов после страстного увлечения новой деятельностью слишком внезапно к ней охладевает. И, вспомнив подлинник Григория Орлова, я нашел разгадку: герой рассказа М. Горького — человек, сильно приукрашенный творческой фантазией автора; он жадно ищет героического в глубине обыденной жизни. Придет время, и из этих глубин жизни явится настоящий герой.

* Тут Ф. В. допускает ошибку: рассказ «Супруги Орловы» был впервые опубликован в журнале «Северный вестник» № 8 за 1897 г.